

УДК 94(470.5)"15-17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396

**ТЮРКСКИЕ ГРУППЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В XV–XVII ВВ.:
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ,
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ, ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ***

Д.Н. Маслюженко¹, Г.Х. Самигулов²

¹ *Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

² *Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Цель: реконструкция расселения и хозяйственного использования территории тюркского населения Южного Зауралья.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников: разрядные книги, летописи, актовый материал, дипломатические документы, данные археологии и т.д.

Результаты и научная новизна: традиционно мы воспринимаем административное деление Урала и Зауралья как некую естественным образом сложившуюся структуру. Анализ источников позволил прийти к выводу, что система разделения на уезды, введенная Российским государством, не была обусловлена расселением местных групп и не учитывала способ их хозяйствования. Скотоводство местных тюрков определяло специфику организации пространства хозяйствования. Многие волости (родовые земли) различных племен были сложными и включали в себя две части: зимнюю и летнюю. Эти две части одной волости могли находиться на значительном расстоянии друг от друга, разделенные Уральскими горами, и после включения территории в состав Русского государства оказывались в составе разных уездов. Например, одна часть Терсякской волости оказалась в Верхотурском уезде, а вторая в Тюменском; западная составляющая Мякотинской (бакатин) волости располагалась в Уфимском уезде, а восточная – в Тюменском, в низовьях Исети и Пышмы. Таким образом, к моменту вхождения в состав Русского государства южная часть Зауралья и часть Приуралья, включая земли в верхнем течении рр. Уфа и Чусовая, по рр. Пышма, Исеть, частью Тура, а также Тобол между устьями Миасса и Туры, представляли собой территорию комплексного хозяйствования местного тюркского населения. Данная традиция сформировалась еще в эпоху позднего средневековья, что тесно связано с претензиями Шибанидов, правивших в Тюменском и Сибирском ханствах, не только на территории юга Западной Сибири, Приаралья и присырдарьинского региона, но и на приуральские земли. Это могло выражаться как в стремлении занять казанский престол или собирать ясак с Приуралья, в том числе Булгара, так и в оформлении прямого правления над Башкирским Приуральем. Значимым фактором этого могло быть не только единство политического пространства и ведение кочевogo образа жизни, аналогичного рядовым группам местных тюрков, но и объединенность земель торговыми путями. Это же облегчало и возможности переселения значительных групп из Зауралья и юга Западной Сибири в Приуралье, как это произошло с племенем табын.

* Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011.

Ключевые слова: Сибирские Шибаниды, Южное Зауралье, тюркские племена, волостное деление

Для цитирования: Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 363–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396

В позднее средневековье Шибаниды, правившие на юге Западной Сибири, неоднократно претендовали на земли Южного Урала и Приуралья, часто разделяя их со своими ногайскими родственниками и союзниками. Представляется, что эти претензии были связаны не только с политическими причинами, но и залегали в области экономики и даже в самом образе жизни кочевых и полукочевых тюркских племен Южного Зауралья, которые признавали власть этой династии. Для того чтобы правильно понимать эту ситуацию необходимо показать ее развитие в исторической преемственности от периода формирования Тюменского и Сибирского ханств до вхождения их территории и тем более населения в состав Российского государства. При этом понять специфику власти Сибирских Шибанидов в Приуралье можно, лишь разобравшись с ситуацией в Южном Зауралье, в том числе в XVII веке. Важным замечанием является то, что для этого столетия можно говорить именно и только о тюркских группах (кланах или племенах), в то время как для более раннего времени источники в основном дают нам информацию о деятельности политических лидеров. При этом мы и понимаем, что она была невозможна без соответствующей поддержки их улусов, то есть власть Шибанидов на какой-либо территории, с одной стороны, подразумевала наличие у них достаточной поддержки для организации этой власти, а с другой – возможность налаживания для этого взаимоотношений с местным населением. Таким образом, рассуждая о политических лидерах, мы в той или иной степени пытаемся пойти по пути понимания желаний и возможностей тех групп, лидеры которых на курултаях или подобных советах выражали им свою поддержку.

В начале XIV в. брат Иоганка Венгр писал, что «когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь» [3, с. 93]. Его современник египетский энциклопедист Ибан Фадлаллах ал-Омари ад-Димашхи при описании границ Улуса Джучи в конце указывал: «области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман», и далее «Страны Сибирские и Чулыманские... прилегают к Башкырдам» [14, с. 106–107], тем самым рассматривая их окраинными по отношению к Золотой Орде. По всей видимости, для авторов XIV века они были частью одного внутренне связанного пространства. Это было оправдано и еще двумя факторами: расположением здесь в разное время владений отдельных представителей династии Шибанидов и сложившимися торговыми отношениями по речным путям из Приуралья в Зауралье. Известно, что Шибан мог участвовать в подчинении Булгарского государства [24, с. 47–50; 18, с. 28–29], что и могло создать здесь основу для владений его наследников. При этом он сам в поздних источниках именуется в качестве владельца «народа болгарского» [19, с. 139].

По мнению А.В. Матвеева, к середине XV века при Абу-л-Хайре на западном направлении важнейшее значение для Тюменского ханства имела Казань

ская дорога как часть трансевразийского широтного торгового пути, шедшая из Казани через башкирские степи до Чимги-Туры. Этот же путь продолжал использоваться «для передвижения крупных воинских контингентов и посольств» и в конце XVI века. Для Сибирского ханства реконструируются следующие пути сообщения, ведущие от Тюменских ворот г. Казани, через Уральские горы до Чимги-Туры и Искера: 1) Вишерско-Лозьвинский путь (с Вычегды или Камы до г. Чердыни, по Вишере, Велсу, Лозье по Тавде и Тоболу в Искер); 2) Дорога по Сылве и Чусовой через Урал, Тагильский волок по Тагилу и Туре до г. Чимги-Туры; 3) Казанская дорога по р. Каме через уфимские степи на верховья Исети в Чимги-Туру и Явлы-Туру [31, с. 139, 144–145]. Эти пути могли быть использованы не только с торговыми, военными и посольскими целями, но и для перекочевок и миграций тюркских групп, причем их маршруты могли сложиться еще в период раннего средневековья. Очевидно, что контроль над этими трансуральскими путями был важной частью внешнеполитической концепции тюменских и сибирских правителей.

Вопрос о распространении власти туранских ханов из династии Шибанидов, основавших на юге Западной Сибири в 1430-е гг. Тюменское и затем в 1563 г. наследующее ему Сибирское ханства, в целом на Приуралье практически не рассматривался в литературе в качестве отдельной проблемы, исключением являются лишь исследования Д.М. Исхакова [например: 18, с. 28–30; 19, с. 128–145]. В последнее время указание на наличие здесь западных владений Шибанидов становится все более общепринятым. Наиболее полное описание кочевий младшего брата Бату Шибана было сделано в начале XVII века его потомком ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала...» [1, с. 104]. В.П. Костюков, соглашаясь с предположениями других исследователей, писал, что летники Шибанидов могли выходить в горно-лесных и лесостепных районах Урала к кочевьям башкир [25, с. 97]. Таким образом, Шибан и его потомки с самого начала формирования Золотой Орды имели возможность кочевать в Южном Приуралье, причем это решение Бату сохранялось и в последующее время. Так, потомки Шибана в пятом и шестом поколении – Пулад и его дети Ибрахим и Араб-шах – продолжали летом кочевать у вершин реки Урал [1, с. 105]. Г.Н. Гарустович на основании Брик-Алгинского и ряда других кладов предполагает, что в период Великой Замятни, в частности в 1370-е гг., торговые караваны шли из Булгарского улуса в Западную Сибирь по территории Южного Приуралья, видимо, в дальнейшем поднимаясь по Тоболу и его притокам. При этом Араб-шах и его двоюродный брат Каан-бек могли совершать походы на лесостепную периферию Западного Приуралья [10, с. 166, 194–195].

По сути, единство этих земель, закрепленное во владениях Шибана, опиралось не только на общность торговых маршрутов, но и на близость местных групп в этнокультурном плане. Следует признать, что хотя в основе владений Шибана и его потомков лежали группы тюркских племен преимущественно центральноазиатского и южно-сибирского происхождения, здесь могли и должны были сохраниться и значительные местные анклавы. Потомки представителей этих коллективов позднее могут быть обнаружены как в окружении шибанидских ханов, так и в числе участников этногенетических процессов по

обеим сторонам Уральских гор. Применение современных этнических понятий «башкиры» и «татары» по отношению к этим племенам рискует модернизировать достаточно сложный в историческом плане процесс этногенеза этих народов в период позднего средневековья. Для рассматриваемого времени, как, видимо, и для последующего XVII века, эти термины носили в большей степени сословный (этносословный в историческом плане) характер. При этом на уровне личного самосознания гораздо более важным было соотнесение с племенем или кланом, а также с династией местных правителей. Кроме того, однозначная опора на современные этнонимы и обращение к отражению этнической памяти в шежере не учитывают сложных миграционных процессов монгольского, ордынского и постордынского времени, в ходе которых коллективы могли распадаться на отдельные географически удаленные группы, при этом могущие и не осознавать своего былого единства.

Таким образом, рассматриваемая нами проблема распадается, по своей сути, на два отдельных вопроса: сохранение и наследование власти Шибанидов в Приуралье, имея в виду как отдельные земли Башкорта, так и Казанского ханства, в период существования сибирской государственности в XV–XVI вв. и формирование некоторых приуральских групп населения под воздействием этого процесса. При этом первая проблема отчасти увязывается с попытками установить границы Тюменского и Сибирского ханств в том виде, в каком они вообще могли существовать у кочевого государства. Именно западная граница вызывает при этом наибольшие затруднения, поскольку она связана еще и с отдельным аспектом определения зоны влияния шибанидских ханов, позволявшей им собирать ясак с местных групп населения.

В начале XV века, по данным Продолжателя Утемиша-хаджи, земли Башкурта вместе с территориями Алатыря и Мокши контролировал представитель сибирской ветви династии Шибанидов хан Хаджи-Мухаммад, правивший в 1421–1426(7) гг. в Туринском вилайете. При этом отмечается, что он стал ханом после сына Араб-шаха хана Кыдыра (Хызра) [37, с. 65]. Новый перевод текста, предложенный И.М. Миргалеевым, не позволяет однозначно согласиться с предположением Д.М. Исакова со ссылкой на А.-З. Валиди-Тогана о том, что Хаджи-Мухаммад также правил и в Булгаре [17, с. 102]. Хотя в одном источнике указывается, что Хаджи-Мухаммад встретил мангытского лидера Идегея, когда шел в «народ куральский» [6, с. 230–231], сам вопрос о том, что это за народ не имеет однозначного ответа. Под ним чаще всего понимают население и территорию центральноевропейской страны, управлявшейся королем и подчиненной еще при Шибане, однако источники позволяют высказывать и иную точку зрения о том, что это была территории Волжской Булгарии [подробнее см.: 28, с. 95; 24, с. 47–50]. С учетом времени жизни Хаджи-Мухаммада сомнительно, чтобы в условиях первой четверти XV века представитель Шибанидов мог совершить значительную перекочевку в европейские владения, то есть речь, скорее всего, должна была идти о каких-то приуральских территориях. А. Валиди-Тоган предполагал, что в Башкorte могли править также сын Каан-бека Махмуд-Ходжа [7, с. 39], который был ханом в Туринском вилайете около 1428–1431 гг. Таким образом, в источниках по ордынской истории фиксируется связь Шибанидов с Южным Приуральем, в частности Башкортотом, а также весьма косвенная информация о возможной власти над Булгаром.

Однако, после воцарения в 1430 г. на тюменском престоле хана Абу-л-Хайра, правнука Пулада, он уже однозначно претендует на сбор ясака и с территории Булгара [68, с. 74], что требует определенного объяснения. В качестве рабочей версии можно высказать предположение о том, что это могло быть связано не только с предшествующей традицией, но и с захватом «трона Саин-хана», который и мог дать дополнительное основание Абу-л-Хайру для власти над этим вилайетом, причем, возможно, не сразу после воцарения. Мухаммад Шейбани, предполагаемый автор «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», писал в начале XVI в. о том, что внук Идегей Ваккас-бий «дважды стал для хана [Абу-л-Хайра – Д.М.] причиной того, что он овладел троном Саина» [33, с. 17]. Второй раз произошел в конце 1440-х гг., когда ханом в Казани уже был Махмуд б. Улуг Мухаммад. Первый случай не имеет однозначной датировки в литературе, но И.А. Мустакимов предположил, что в 1440-е гг. переход власти в Казани от Шибанидов к Улуг Мухаммадовичам произошел на основании определенной договоренности, «согласно которой Шибаниды формально сохраняли влияние на казанские дела» [38, с. 188].

В январе 1481 г. тюменский лидер Ибрахим, бывший противником потомков Абу-л-Хайра, захватил ордобазар хана Ахмада, что дало ему в руки «саинский стул» и значительно увеличивало степень политического влияния. В 1489 г. он пытался заступиться за попавшего в русский плен казанского хана Али (Алегама) [46, с. 18]. В ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [46, с. 21]. Пребывание казанских аристократов из сторонников независимости этого ханства в ставке Ибрахима, видимо, привело к его интронизации около 1490 г. на казанский престол и наименовании в некоторых летописях «казанским царем» [63, с. 101]. В 1491 г. Ибрахим под влиянием казанцев совместно с ногайским бием Ямгурчи даже пытались организовать поход на Казань [47, с. 47].

Отметим, что уход в сибирские земли был, видимо, одним из традиционных способов «бегства от власти» для казанцев. Известна легенда, что еще во времена взятия эмиром Тимуром Булгара сын правившего там хана Абдуллы Алим-бек, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-туру... держал (там) юрт» [51, с. 579]. С.У. Ремезов связывал появление Тобол-Туры с мифологическим ханом Тоболаком, которого считал братом основателя сибирской княжеской династии Тайбуги [59, с. 71]. Деревня Тобол-тура (Тобол-Туринские юрты), видимо, на месте старого татарского городка, указывается в актовых документах в Тобольском уезде еще в 1638 и 1640 гг. [35, с. 524, 544]. Сохранялся этот способ ухода и позднее. Так, с 1632 на территории татарских юртов и волостей по Исети появляются переселенцы из Приуралья, в частности в зверовьях вместе с тюменскими татарами на Тоболе фиксируются казанские татары и новокрещены [35, с. 463].

После смерти Ибрахима в 1495 г. в Тюменском ханстве начинается подготовка и формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с ханом Мамуком, который был возведен на престол сразу же после смерти брата [61, с. 183]. Военные действия на казанском направлении во многом вновь были спровоцированы казанскими князьями, лидерами восточной партии Кальметом, Ураком и другими [21, с. 9]. В ре-

зультате Казань была взята осенью 1496 года. Об этом сообщает «Патриаршая летопись»: «В мае 7004 (1496) казанский царь Магомед-Амина послал письмо Ивану Васильевичу о том, что движется на него Мамук Шибанский с ногайской ордой и с князьями Казанскими. Взял он Казань в лето 7005 (1496)» [44, с. 242–243]. Однако выбор претендента был весьма неудачен: Мамук не справился с проблемами внутреннего управления в условиях, отличных от специфики Тюменского ханства. Кроме того, он, видимо, проявлял жестокость по отношению к казанцам и даже своим бывшим союзникам [44, с. 243]. Неудача Мамука под Арском в 1497 году позволила казанским князьям совершить переворот и не пустить хана обратно в города. В результате он был вынужден вернуться в Чимги-Туру с частью оппозиционеров во главе с казанским князем Ураком [69, с. 570], который затем будет в Тюмени при дворе нового хана Агалака. По всей видимости, на обратном пути хан Мамук умер: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» [44, с. 243].

После смерти Мамука новым тюменским ханом стал младший из братьев Агалак, о деятельности которого нам практически ничего неизвестно. Уже в марте 7007 (1498) года в Москву пришла весть о походе Агалака и Урака на Казань [21, с. 15]. В результате, согласно разрядным книгам, в августе 1498 (7007) г.: «Тово же году в августе... послал государь великий князь Иван Васильевич всеа Русии х Козани полем х царю козанскому беречь ево от Урака и от Солтогана, от шибанских царевичев, в конной рати воевод своих» [49, с. 57]. Исходя из этого, в походе могли участвовать и иные царевичи из числа Шибанидов. В Разрядных книгах говорится, что уже в «лета 7007-го (1498) сентября... прислал к великому князю ис Казани Абделетиф царь, что Урак князь хочет быть х Казани с Салтаганом царевичем. И князь великий послал в Казань воевод своих беречь от Урака и от Салтагана» [50, с. 29]. Скорее всего, речь шла лишь о возможной («...хочет быть...») угрозе похода. А.В. Парунин предположил, что и Мамук, и Агалак могли совершить не по одному, а по два похода на Казань [42, с. 104–108], с чем и связана определенная путаница в источниках. В Никоновской летописи под 1500 годом указано, что «... прииде весть к великому князю от Казанского царя Абдыл-Летифа, что на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ним Урак князь Казанских князей. Слышавше же то князь великий и послал к Казани в помощь воевод своих... Агалак же и Урак слышав, что идут ни них воеводы великого князя с силою, и побегоша во-сваяси, а воеводы великого князя возвратишася к Москве» [44, с. 249–250]. По мнению А.В. Парунина, данный поход представлял скорее набег, нежели ставил перед собой реальную задачу захватить Казань, а его инициатором был Урак: «В лето 7008-го, марта, прииде весть к великому князю Ивану, что Урак привел на Казань Авалака царевича» [48, с. 273; 51, с. 107].

В 1505 году хан Агалак и его родственник Ак-Курт покидают территорию Тюменского ханства и оказываются в ногайских кочевьях. Личность Ак-Курта может быть идентифицирована как двоюродный брат хана, сын Сайи-дека б. Хаджи-Мухаммада [33, с. 37]. При поддержке ногайских мирз они ведут в период с 1505 по 1508 гг. безуспешные переговоры с московскими князьями Иваном III и его наследником Василием II, пытаясь получить во владения Казань, Мещерский городок или хотя бы Андреев городок в Мещере. Возможно, что некоторое время в начале переговоров, с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммад-

Амина, Агалак реально рассматривался в качестве возможной кандидатуры, которая могло бы примирить восточную и русскую партии. В ожидании этого Агалак скончался в 1507 или 1508 гг., а сам Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не были сильными политическими фигурами, хотя последний в конце концов и оказался на московской службе [29, с. 62–68].

Уход Агалака на юг мог быть связан с конфликтом внутри правящей династии. В Вычегодско-Вымской летописи указывается, что «Лета 7014 (1505 или 1506 гг.) пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» [9, с. 264]. В Устюжских летописях уточняется, что войско из Тюмени пришло в 7013 году в «понедельник на страстной недели», то есть весной 1505 года [45, с. 99]. Фактически время этого похода совпадает с предполагаемым уходом Агалака в ногайские степи. При этом, как и ранее с Агалаком, в походе Кутлука участвовали его братья и дети [45, с. 99].

Таким образом, на протяжении XV века Шибаниды из двух ветвей (потомки братьев Пулада и Бекконди) не только сохраняли свои кочевья в Южном Приуралье, но и постепенно расширяли к северу и укрепляли здесь свою власть. Четыре тюменских хана в период с 1490 по 1505 г. претендовали на казанские и прикамские земли и пытались отстаивать свои интересы как военным, так и политическим путем. При этом по мере поражений Шибанидов и роста могущества Ногайской Орды, формальными сюзеренами которой некоторое время выступали представители различных ветвей этой династии, их реальное присутствие здесь сокращается. Кочевья при этом концентрируются на юге Западной Сибири, а также в Приаралье и на Сырдарье. Именно ногайским биям они уступили часть своих родовых владений вблизи Уральских гор в период формирования этого политического объединения (предположительно уже Эдегей мог контролировать г. Сарайчук [62, с. 586]). В первой четверти XVI в. эти земли «между реками Камой, Яиком и Ра» находились под контролем сына Мусы Хаджи-Мухаммада [11, с. 179], а позднее, видимо, перешли к его брату Шейх-Мамаю. Резонно предположить, что это создало основу для расширения в Приуралье власти именно ногайских лидеров, а сами Шибаниды будут здесь действовать чаще всего именно при их поддержке. При этом возникает немаловажный вопрос о том, почему Шибаниды, свободно передвигавшиеся в XV веке в рамках большого пространства от Арала и Сырдарьи до Поволжья и таежной зоны Западной Сибири, в начале XVI века постепенно утрачивают интерес к приуральским землям. Спектр ответов здесь может быть довольно широк: от договоренности с ногаями или расширения московского влияния до климатического фактора в рамках «Малого ледникового периода», что требует дополнительного анализа.

Фактически только Продолжатель Утемиша-хаджи пишет, что при сыновьях тюменского хана Ибрахима б. Махмудека б. Хаджи-Мухаммада, султанах Сары и Муртаза были вновь подчинены земли между рек Инрек и Сувнак [37, с. 65], что схоже с «Иргиз-Сувак», притоком Урала, в описании Абу-л-Гази. В каких условиях и в какое время это могло произойти? Следует признать, что фигура Муртазы, отца сибирских ханов Ахмад-Гирея и Кучума, является одной из самых недооцененных фигур сибирской истории позднего средневековья. Резонно предположить, что он мог активизировать свою деятельность после переворота Шейх-Мамая в Ногайской Орде в 1541 г. Шейх-

Мамай, будучи сыном ногайского бия Мусы и одной из дочерей тюменского хана Ибрахима, выступал в отношении своих знатных родственников в качестве покровителя. В.В. Трепавлов предположил, что еще до переворота Шейх-Мамай, будучи наместником восточных кочевий, управлял башкирами. При его дворе находились указанные выше сыновья Муртазы, дочь которого, скорее всего, была замужем за казанским ханом Сафа-Гиреем [20, с. 90]. Скорее всего, в конце 1540-х – начале 1550-х гг. Ахмад-Гирей мог быть наместником Башкорта, информация о чем сохранилась и в известном рассказе Кидряса Муллакаева [62, с. 199, 208–210; 54, с. 182]. Возможна и иная трактовка этого сюжета с учетом того, что Ахмад-Гирей и Кучум, оба по очереди, занимали сибирский престол. В таком случае в памяти башкир могла сохраниться информация именно о ханской власти, а не о ногайском наместничестве.

Память о былой власти сибирских султанов и позднее ханов Ахмед-Гирей и Кучума над Башкуртом сохранялась у башкир Уфимского уезда даже в начале XVIII века. При этом башкиры Ногайской дороги упоминали о юрте «Гарая» в Уфе. В 1709 г. башкиры нескольких волостей Казанской, Сибирской и Осинской дорог ссылались на то, что «деды и отцы нынешнего государя обещали сохранить ясак и веру башкир, как то было при тобольском Кучуме царе...» [32, с. 259, 265]. В связи с этим вполне правомочно замечание А. Валиди-Тоган, который называет Кучума «ханом Западной Сибири и Башкурдистана» [7, с. 39]. Известна точка зрения, высказанная еще в XIX в., о том, что русский город Уфа в 1586 г. был построен именно для защиты вновь приобретенных владений от набегов Кучума, который «пришедь въ государеву отчину въ Казанской уездъ въ башкирцы» [43, с. 20] и явно отстаивал интересы своего рода на этих территориях. При этом Продолжатель указывает, что во время правления старшего сына Кучума Али (1601–1608 гг.) «их государство расстроилось и распалось, и некоторые территории Башкурта... были захвачены русскими» [37, с. 65]. При этом для части башкир именно Кучумовичи, причем иногда явно самозванные, выступали лидерами и символами антирусского сопротивления в XVII – первой половине XVIII века. Несмотря на воцарение Кучума в Сибири спустя несколько лет после русского завоевания Казани, известно, что в его владениях были чувашши, возможно, приведенные именно с этих земель, где они были ясачным или черным населением [15, с. 80–101], а сам он был женат на дочери неизвестного казанского хана [34, с. 197].

Таким образом, источники фиксируют практически постоянное присутствие шибанских династий с начала формирования их владений в 1243 г. как на территории Южного, так и Западного Приуралья, входившего в состав Булгарского вилайета и затем Казанского ханства, до их окончательной утраты в начале XVII века при Али б. Кучуме. Гораздо более сложным является второй из поставленных вопросов, поскольку в значительной степени при его рассмотрении необходимо опираться на весьма сложную и во многом позднюю информацию шежере, а также информацию о существовании на территории Приуралья и Западной Сибири родственных и схожих племен и кланов. При этом невозможно дать однозначный ответ на вопрос о том, осознавали ли их представители это родство.

А. Валиди-Тоган писал, что часть племен ордынского времени, относившихся к карачинским и оставшихся в Башкортостане, вошли в состав уфимских

татар под названием «тюменских». К ним относились катай, салжавут, табын, барын, минг, меркит, дюрмен, чураш и ногай [7, с. 52]. Значительную часть этих родов можно обнаружить не только в составе зауральских волостей Уфимского езда, где они доминируют, но и в Приуралье. При этом о мингах А. Валиди Тоган пишет как об опоре Абу-л-Хайра [7, с. 53]. По наблюдениям Д.М. Исакова, одного из главных специалистов по шибанидскому «следу» в Булгарском вилайете, в различных районах Западного Приуралья имеются следы присутствия таких кланов и племен как кыйаты, буркуты, кунграты, уйшины, кушчи [18, с. 28–30; 19, с. 130–139], которые вошли в дальнейшем в состав башкир и пермских татар. При этом, по данным И.А. Мустакимова, именно тумены кыйатов, кунгратов, буркутов и тюменей были переданы Шибану после завершения Западного похода [39, с. 231]. Представители всех этих племен фиксируются в Западной Сибири в окружении тюменского хана Абу-л-Хайра как в период его казачества, так и при восшествии на престол, а также в качестве даруг Чимги-Туры. При этом они на протяжении 1430–1457 гг. упоминаются среди первых 10 племен ханства, входя чаще всего в почетное левое крыло и обеспечивая хана женами (конграты, буркуты). Их представители занимают должности беклярибеков (кыйаты, буркуты), аталыков, кукельташей, ичкиев и руководителей дивана (кушчи), а также выступают как военные предводители [33, с. 143–144, 146, 149, 153–154, 156–157, 159, 164, 168]. Значительное сходство кланового и племенного состав татар Западного Приуралья и юга Западной Сибири действительно может быть косвенным фактором, подтверждающим значительные связи этих территорий, если и не прямое их вхождение в состав ханств Шибанидов.

Необходимо обратить внимание и на возможные случаи перемещения групп населения из Тюменского ханства в Приуралье, то есть навстречу имевшей место локальной миграции казанской аристократии. Наиболее известным случаем является переселение к Чулыману (Каме), «где потом был основан г. Пермь», части племени табын, фиксировавшегося в новое время на северо-западе Башкирии как племя ирэкте. По материалам шежере подразделения кара-табын становится ясно, что вынужденная миграция с берегов Мисса состоялась в период борьбы ханов Ибрахима и Шейбани [16, с. 177–178], то есть в 1480-е годы. В родословной также указывается, что потомки основателя табынцев Майкы-бия Асади-бий и Шикарли-бий «очутились под властью хана Шейбанида – Ибака, который приказал их умертвить, от чего они бежали на запад от Урала» [65, с. 81]. В Приуралье табынцы осели как в низовьях Белой и Ика, центральных районах Казанского ханства, так и по Каме и ее притокам, то есть в Перми Великой, образовав здесь большой анклав населения, связанного происхождением именно с западно-сибирскими территориями [15, с. 129]. Именно на этих территориях в отношении местных татар и башкир встречается этноним «иштяк», который встречается и в подвластных Шибанидам сибирских землях. При этом понятие «иштяк» было равнозначным русскому «остяк», которое могло использоваться не только в отношении угров. Известно, что в русский язык это название попало из тюркских языков, где служило для обозначения инородческого языческого населения. Так, И.Е. Фишер пишет: «Юштяк есть Татарское слово и значит тоже самое, что у греков парпар, то есть чужеземца, пришельца, так же дикаго непросвещенного человека ...» [66, с. 85]. В русских документах слово «остяки»

встречается с 1499 г., хотя в отношении населения Западной Сибири, в частности хантов, видимо, фиксируется не ранее 1580-х годов [40, с. 74–75]. Таким образом, оно могло использоваться как в отношении пришельцев, так и в целом потомков смешанного тюрко-угорского населения.

По шежере, все рода племени табын, в частности основные носители этого этнонима кара-табын, возводят свое происхождение к Майкы-бию, его отцу Тюмен-бию или потомку (от второго до пятого поколения в разных шежере) Кара-Табын-бию. В шежере рода кара-табын говорится, что «во времена Чингиз-хана Майки-бий, живя в местности Миядак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс; он Чингиз-хану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингиз-ханом на одной повозке; дали ему имя Уйшин Майки-бий» [5, с. 157, 163, 165]. Таким образом, шежере связывает табынцев с племенами уйшинов и тюменов, которые хорошо известны в ордынской истории. Племя хушин (уйшин) было составной частью тех «тюркских племен, прозвание которых было монголы», которые также называются дарлекин. По сути, дарлекины и нируны образовывали собственно монголов периода становления Монгольской империи [26, с. 159–164]. Близкими к ним по происхождению были барыны (барин, бахрын) и дурбаны (дуваны), которые были родственными и являлись частью нирунов, как и кийяты [52, с. 187–189]. В легендах табынцев указывается, что их родиной был Алтай, откуда Майкы-бий увел их к Иртышу [27, с. 242–248], а после его смерти они откочевали на Миасс. В дальнейшем табынцы имели тесные связи с шибанидскими династиями. Более 10 представителей племен уйшин и тюмень, а также явно связанных с ними дурман и тубай, были в окружении первого тюменского хана Абу-л-Хайра, причем как в период его казначества, так и при восшествии в 1431 г. на престол [33, с. 16–17, 96–97, 143–144]. Интересно то, что именно среди представителей этой группы в источниках часто взаимно меняются клановые обозначения, что говорит об их явном родстве. Судя по шежере, после смерти Абу-л-Хайра и интронизации нового хана Ибрахима в Чимги-Туре они оставались некоторое время на территории его ханства. В Приуралье при этом они явно ушли не в полном составе, поскольку именно в Южном Зауралье затем будет сформирована «самая дальняя» Кара-Табынская волость. Это могло способствовать и дальнейшим связям между табынцами через горы.

В свете этого абсолютно по-иному выглядит известная информация С. Герберштейна о том, что «За Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермией, живут татары, зовущиеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими» [11, с. 181]. Аналогичную ситуацию иллюстрирует карта Московии Баттисты Аньезе, изготовленной в 1525 г. на основе материалов русского посла в Ватикане Дмитрия Герасимова, на которой область к востоку от впадения Камы в Волгу обозначена как «Sciabani Tartari», то есть шайбанские татары [67, с. 188, рис. 9]. По всей видимости, несмотря на имевшийся конфликт с Ибрахимом, его наследники, в частности правивший в Казани хан Мамук, видимо, смогли наладить отношения с многочисленными табынами в Западном Приуралье. Известно, что табынские бии служили казанским ханам [27, с. 301]. Остававшиеся в Зауралье представители этого племени, в частности кара-табынцы, были как при хане Кучуме, так и поддерживали его сыновей Али, Каная и Азима в борьбе против русских с 1601 по 1608 гг. [35, с. 197–198, 226]. В 1623 г. их стремился вернуть из Уфимского уезда брат Али Ишим,

причем он именовал их «старых своих людей табынцев» [35, с. 342]. Фактически последний раз они указываются в 1632 г. уже вместе с калмыками в окружении сына Ишима Аблая, причем они спасли от грабежа пленных тюменских татар и приказали им предупредить тюменского воеводу о грядущем нападении калмыков [35, с. 463]. По предположению А. Валиди Тогана поддержку Кучумовичам оказывали и табынцы Западного Башкорта [7, с. 47].

Вопрос о западных границах влияния Сибирского ханства в районе рек Сылвы и Чусовой, а, следовательно, и о связи местных татар с Шибанидами, остается не совсем ясным. Есть основания полагать, что в период 1570-х гг. большая часть территорий по Чусовой, Сылве, Ирени, Яйве, вплоть до строгановских острожков, могла находиться под контролем Сибирского ханства Ахмад-Гирея и Кучума. В 1570 г. Строгановы ставят Сылвенский и Яйвенский острожки для контроля над путями прохода сибирских и ногайских воинских людей и «для утеснения Сылвенских и Иренских Татар и Остяков и Чюсовских и Яйвинских и Инвинских и Косвинских Вогулич» [57, с. 4]. В источнике речь идет не о сборе ясака, то есть не контроле над подданными русского царя (пусть даже и формальными подданными), а об «утеснении», то есть ограничении в свободе действий. Это, видимо, способствовало переходу некоторых группы местных татар в русское подданство. Однако, как и в дальнейшем, контроль над ясачным населением был принципиален для сибирского хана Кучума. Кучум принуждал перестать платить ясак в Москву своих данщиков из числа остяков, вогулов и югричей: «А иных данщиков наших Сибирской имеет, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати». В 1573 г. «с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели». Само указание «дорог проведывати» говорит о том, что пришедшее из Сибири войско, видимо, не имело местных проводников. В то же время следует понимать, что на сбор здесь ясака мог претендовать не только Кучум, но и ногайские лидеры. В частности, в 1574 г. Кучум «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а преж сего Тахчевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи» [34, с. 332–333]. Тахчеи, видимо, находились на реке Чусовой, где могла проходить граница формального влияния Сибирского ханства. В посольских и актовых документах 1570-х гг. неоднократно указывалось, что ногаи «ходили для ясыку в ыстеки» (в Башкорт, Казанский уезд и верховья Камы), потому что так было заведено «по старине»: «ещо деи при казанскомь царе мы владели иштеками» [64, с. 101; 43, с. 20]. В 1570-е гг. Кучум и его сыновья породнились с большим количеством ногайских аристократов, что приводило к значительному пересечению интересов этих государств. Ясак с иштеков в 1570-е гг. собирали и бий Урус, и нурадин Динбай и его племянник Саид-Ахмед, при этом с первыми двумя породнились Кучум и его сыновья Али и Канай [62, с. 373–375]. Длительное политическое взаимодействие и проживание на близких территориях привели к тому, что интересы сибирской и ногайской аристократии могли совпадать, причем Шибаниды чаще выступали «ведомыми» в этом союзе. В актовых документах, представленных П.П. Пекарским и В.В. Трепавловым, все-таки больше заметны именно ногайские претензии в Западном Приуралье во второй половине XVI века.

В 1581 г. пельмский князь напал на Пермь Великую «подозва с собою буйственных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирския ж земли со множеством вои, он же злый по неволе взя с собою Сылвенских и Косвинских и Иренских и Инвинских и Обвинских татар и Остяков...» [57, с. 12]. Хотя в летописи проговаривается вынужденный характер участия сылвенских и иренских татар в походе вогульского князя, их можно было бы считать скорее сибирскими подданными, чем российскими. Однако известно, что в 1578 и 1586 гг. именно ногайский бий Урус выражал неудовольствие по поводу запрета ему собирать ясак с башкиров и остяков, а также стремления русского правительства поставить в Приуралье города [64, с. 103].

Осенью 1581 – зимой 1582 года отдельные казачьи отряды, участвовавшие до этого в борьбе с ногаями, общей численностью до 540 человек во главе с Ермаком зимовали на Сылве, откуда в течение зимы совершали набеги на вогулов [71, с. 30–31]. Столь большая численность отряда могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом, ногаями и угорскими князьями как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 года, то есть как раз в то время, когда Ермак увел казаков в Сибирь. Согласно Вычегодско-Вымской летописи походом руководил сам Кучум. В наиболее подробном виде сообщение зафиксировано в Вычегодско-Вымской летописи: «Того же лета... пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [9, с. 267].

Как выясняется из текста той же Строгановской летописи, иноверцы, жившие по Сылве, Ирени, Яйве и прочим рекам, не платили ясак русскому царю и были приведены к шерти лишь после похода Ермака и поражения Кучума: «...кои бусормене живуще близ их городов и острожков по Каме и по Чусовой и по Сылве и по Яйве и по Обве и по Инве и по Косве и по иным рекам, и тех все бусормен приведоша к шерти, что им государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руссии служить без измены и во всем ему государю прямити и добра и добра хотити и ясаки с себя им давати. И оттоле начаша Семен и Максим и Никита из городков и из острошков своих того ясашного ради збору по рекм в тотарские [и в остяцкие] и в вогульские улусы людей своих посылати и ясак с них бусормен собирати... И потом повелением государевым... с тех бусормен ясашные зборы начаша збиратися по городам от воевод, где те языцы живаху в разных местех, в Чердынь и на Уфу и на Верхотурье...» [57, с. 45]. В летописи говорится не о возобновлении ясачных сборов, а именно о том, что сборы «начашася».

П.Н. Буцинский пишет, что до 1599 г. сылвенские и иренские татары платили ясак «в Пермь» [6, с. 6, прим.], но не совсем понятно, что он понимает в данном случае под Пермью – вполне возможно, что уплата ясака Строгановым точно так же воспринималась как пермский ясак. В одной своей челобитной 1623 (октябрь 7132) г. сылвенские и иренские татары писали, что «прошлых годех ... Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича Всеа Руси и Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Руси по грамотам, собирали с них ясак из Перми и от Соли Камской» [2, № 125]. В другой челобитной, поданной чуть позже (7134 г. от сотворения мира, то есть 1624–1625 гг.) через верхотурских воевод Дмитрия Пожарского и Игнатъя

Уварова, написано: «искони вечно де та Сылва и Ирень Верхотурского уезду, а не Пермского»¹.

Таким образом, после похода Ермака население, жившее по рекам Чусовая, Сылва, Ирень, Яйва, Обва и Иньва, было приведено к шерти и начало платить ясак. Поначалу сбором ясака занимались люди Строгановых, но постепенно, по мере формирования новых уездов (Уфимского и Верхотурского) происходило перераспределение территорий. С большой долей уверенности можно предположить, что в состав Верхотурского уезда были включены те территории, которые прежде входили в состав Сибирского ханства (южная и западная часть уезда). Передача сылвенских и иренских татар и остяков в ведение Верхотурского уезда лишь в 1599 г. объясняется просто – г. Верхотурье был заложен в 1597 г. и построен в 1598 г. [23, с. 18–19]. Фактически, земли по Сылве и Ирени (а также по Чусовой) вошли в состав Верхотурского уезда сразу после его создания. Сам факт того, что земли, пожалованные Строгановым в 1568 г. (Чусовая с притоками) [57, с. 4], в итоге оказались переданы в состав вновь созданного уезда, можно считать косвенным подтверждением того, что Строгановы эти земли так и не смогли «освоить». Скорее всего, до похода Ермака они находились под совместным управлением Сибирского ханства и Ногайской Орды. Во многом это было связано с длительной предшествующей традицией, которая на данный момент воссоздается лишь на основании разобранных косвенных источников.

В тесной связи с рассмотренными вопросами находится и тема землепользования тюркского населения, подвластного сибирским ханам из потомков Шибана, к моменту вхождения их территории в состав русского государства. Рассматривая историю тюрков Зауралья конца XVI – XIX в., в том числе историю их хозяйства и расселения, мы поневоле воспринимаем ситуацию преломленной через призму границ уездов и волостей Российского государства, зачастую забывая, что это деление очень слабо связано с ситуацией предшествующего периода. Иначе говоря, мы воспринимаем границы уездов как реально существовавшие разделители и полагаем, что в Тюменском уезде жили татары, в Уфимском – башкиры, а в Верхотурском – вогулы. Подобному восприятию способствуют, помимо разделения на уезды, еще несколько факторов: 1. Обозначение в XVII–XIX вв. ясачного населения разных уездов с помощью этнонимов. Иначе говоря, ясачных людей Верхотурского уезда обозначали как «вогулов», вне зависимости от их этнической принадлежности; в Тюменском и Туринском уезде ясачных людей называли «татарами», а в Уфимском – «башкирами». 2. Если в Уфимском уезде ясачные волости обозначались по названиям родовых или племенных подразделений, составлявших эти волости, то в Верхотурском, Тюменском и Туринском уездах волости, в подавляющем большинстве, назывались по географическим привязкам (Верх-Уфимские, Пышминская и Исетская, Киньрская и т.д.).

Эти обстоятельства сформировали в нашем сознании устойчивые стереотипы, которые достаточно сложно преодолевать. С.У. Таймасов на примере населения Ногайской дороги Уфимского уезда показал, насколько сильно отличаются привычные схемы от реального положения дел. Со ссылкой на ар-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф.21. Оп.4. Д.2. Л.137.

живные материалы он продемонстрировал, что башкиры разных волостей Ногайской дороги имели вотчины на рр. Иргиз, Эмба и вплоть до северного Приаралья [58, с. 43–51]. Этот пример хорошо показывает, насколько реконструируемая на основе источников картина может отличаться от схем, сложившихся в предыдущий период исследований. Хотя, как показал С.У. Таймасов, его открытие было открытием хорошо забытого старого, поскольку практически о том же самом писал более века назад А.И. Добросмыслов [12, с. 3–4].

Мы постараемся реконструировать ситуацию, по мере возможности абстрагировавшись от системы административного деления территорий в рамках Российского государства конца XVI – XVII вв.

Основной тип организации податного населения в России рассматриваемого периода – волость. В нашем случае, это ясачная волость. Многие исследователи сегодня трактуют ясачную волость как некое статичное территориальное (административно-территориальное) образование. Представляется, что такое восприятие для зауральской (и не только) действительности ошибочно и мешает при интерпретации документов XVII, да и XVIII вв. Исследовательница феномена башкирской волости Ф.А. Шакурова выделяет как минимум три значения слова «волость» для Башкирии: земельная организация, наделенная правами собственника, административно-территориальное образование и волость как обозначение рода [70, с. 41–44]. В идеале все три значения должны были совпадать. Сошлемся также на мнение Л.И. Шерстовой о социальной организации кыргызов Южной Сибири XVII в.: «Социальная структура кыргызского общества была вполне четкой и определенной. В основе ее понятие «улус», т.е. *держание*, состоящее из зависимых людей, населенное *податными людьми*, и лишь затем и только вкуче с ними – территорией, на которой *те в каждый данный момент обитают*» [72, с. 26]. Это очень точное определение. Таким образом, основой формирования и существования ясачной волости служила не территория, а податное население. Соответственно, территория была вторична в определении ясачной волости.

Фактически, речь идет о тех образованиях (улусах), которые после включения территорий в административную систему Российского государства стали обозначаться словом «волость». Наблюдение о синонимичности (в определенной степени) слов улус и волость есть и в работе Ф.А. Шакуровой [70, с. 28–34]. Есть этому и подтверждения, пусть немногочисленные, в письменных источниках. По выявленным материалам в Государственном архиве Пермского края, по писцовым книгам Михаила Кайсарова значились татары и остяки Карьевского и Иштеряковского улуса, в более поздних документах вместо слова «улус» использовалось понятие «волость»².

Сказанное выше вовсе не означает, что территория ясачной волости не имела значения – любое население нуждается в земле для обеспечения своей жизнедеятельности. Потребности в угодьях ясачного населения были достаточно велики, поскольку их определял тип хозяйства – полукочевое скотоводство, – а также необходимость выплачивать ясак.

Волость как территориальная единица далеко не всегда была монолитна. Иногда она объединяла несколько участков, включенных в разные этапы хозяйственного цикла и располагавшихся на значительном расстоянии друг от

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.65. Оп.1. Д.1485. Л.164–167.

друга. Причем объединяла эти территории в одну волость именно конкретная группа населения (племя, род), использовавшая эти земли. Мы можем выделить целый ряд волостей, которые имели как минимум две части. Часть таких ясных коллективов и территорий достаточно легко прочитывается, но большую часть приходится вычислять достаточно сложным путем. Причины этого описаны выше. Попробуем представить краткие разыскания о территориальной организации (или организации землепользования) тюркского населения преимущественно Южного Зауралья конца XVI – XVII вв. Для реконструкции буду использованы и материалы более позднего времени. Рассматриваемая территория – юг Верхотурского, восток Уфимского, запад Тюменского и часть Туринского уездов.

Начнем с Терсякской волости. «Татары (башкиры?) образовывали волости “вверх Чусовой” (они же ‘верхние терсяки’)... Входили татары (терсяки) и в волость “в поле над Аятом озером”» [13, с. 21]. Есть версия, что терсяки Верхотурского уезда ушли в 1630-х гг. к своим соплеменникам в Тюменский уезд, но обозначение «Терсяцкая волость» за их бывшими землями сохранилось. «После ухода терсяков с запада (от района р. Уктус – Г.С.) коренными жителями остались “Чусовские вогуличи”, относящиеся к Верхотурскому уезду» [4, с. 8]. Другой исследователь полагает, что терсяков на Чусовой не было уже в конце XVI в.: «Согласно данным башкирских исследователей, верховья реки Чусовой принадлежали башкирскому племени терсяк. Именно в XVI в. терсяки покинули свои родовые земли» [73, с. 142]. Точно так же констатируется, что население Аяцкой волости, куда также входили терсяк, ушло после поражения восстания 1662–1665 гг. «История Аятской волости на этом закончилась, а на ее месте в 1670 г. была поставлена Аятская слобода» [4, с. 13].

Во-первых, представляется, что разделение на Терсякскую и Аятскую волости Верхотурского уезда было чисто административным, а в действительности это был один Терсякский улус/волость. Во-вторых, выкладки об уходе терсяков со своих территорий по Чусовой не подтверждаются документами. В 1651 г. ясные люди Терсякской волости Верхотурского уезда участвовали в «сыске» по поводу основания Чусовской слободы [36, с. 340–341]. В начале 1730-х гг. Н. Демидов купил у башкир Терсякской волости земли под Ревдинский и Сергинский заводы³ [56, с. 30], а позже, в 1755 г., терсяки продали Е.Я. Яковлеву землю, граничившую с отводами Полевского, Нязепетровского и Сергинских заводов⁴. В начале 1720-х гг. башкиры Сибирской дороги утверждали, что «По Чусовой-де реке и которые речки [в]пали во оную Чусовую – вотчина-де исстари их, Челжеутской, да Терсякской, да Сениренской волостей башкирцев» [22, № 7]. В одном из документов 1765 г. имеется описание части земель Терсякской волости на Чусовой, которая еще не была продана к заводам: «А напредь де сего владеющуюся исстари вотчинную Терсякской волости землю, имеющуюся ж по течением Ревды, Ливалиды и Ика, Большой Арши и Зязялге-речкам»⁵. Надо обратить внимание на то, что расположение Терсякской волости Верхотурского уезда Б.О. Долгих определил не совсем верно. На его карте она показана в самом верхнем тече-

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.24. Оп.7. Д.115.

⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-172. Оп.1. Д.7. Л.205–206.

⁵ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1798. Л.335.

нии р. Чусовой, а по нашим данным она находилась ниже Чусовской ясачной волости и Чусовской слободы.

Вторая часть территории этой же волости находилась на Исети. Б.О. Долгих описывает ее так: «Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсяк» [13, с. 47]. Переход терсяков из Верхотурского уезда в Тюменский и обратно не был чем-то из ряда вон выходящим. 1632 г., царская грамота верхотурскому воеводе Федору Бояшеву: «...в прошлом во 138 году до вашего на Верхотурье приезде, сошло из Аятцкой, и из Сосвинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменский да в Чердынский ясак двадцать человек... И для тех Аятцких ясачных Татар, которые сошли в Уфинский уезд, посылал ты ... и тех беглых Аятцких Татар сыскал подьячий Михайло Сартаков только трех человек, которые живут в Тюменском ясаке, а иные ясачные люди сошли на зверовье, а сказывали про них, что те ясачные люди платили ясак на Тюмень» [2, с. 313]. В 1663 г. «приехали из степи на Тюмень в город... верхотурского ясаку татаровя Купердей Кокулгилдеев (Кутлугилдеев), Бекмурза Курмамеев, а тот Бекмурза преже сего был тюменской ясачной татарин»⁶. Есть и информация о том, где именно они жили в Верхотурском уезде: «Купердейко Кутлугилдеев в распросе сказал: жиле де с Бикмурзою и з женами и з детми от Верхотурья вверх по Режу»⁷.

Катайская волость состояла из северо-западной части: нынешний Белокатайский район республики Башкортостан, часть современного Нязепетровского района и т.д.⁸, и юго-восточной части в Приисетье. Для локализации расположения юго-восточной территории волости можно обратиться к опубликованным документам: «...приезжали те воинские люди к нему Козюбайку к юртам (на Исети выше устья Течи – Г.С.) от Билягиля да пошли назад к Билягилю ж в Катайские волости» [35, с. 468] (Билягиль – оз. Беликуль в нынешнем Красноармейском районе Челябинской области); 1651 г., в розыске о нападении на Далматов монастырь сказано: «те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из за Исети реки пониже Катайского бору да тою же де сакмою и назад пошли» [36, с. 348–349]. То есть к 1651 г. в Приисетье уже существовала топонимика, связанная с племенным названием «катай».

В значительной степени связанная с Катайской – Салзаутская (Сальютская) волость. Очень приблизительно расположение северной ее части обозначено в документе 1721 г.: «А между своим вотчинам сказывают по сю сторону Чусовой-реки с Багарякского озера на Арамильскую вершину и ниже Курганской деревни» [28, № 2]. Есть документ 1673 г., где границы описаны гораздо подробнее, но к нему мы обратимся позже. И выписка из грамоты 7203 (1694–1695) г., где обозначены также и южные земли Салзаутской и Улу-Катайской волостей: «по реке Синару, Багаряке, по озеру Савайку, по речке Марамке, по озеру по Иляму, по речке по Цечех, по озеру Чухояку, по озеру Аледа, по озеру Авельге, по реке Миясе, по реке Каразылке, да по озеру Меяну»⁹.

Территории катай и сальют по Исети и между Течей и Синарой мы можем интерпретировать как летние пастбища (летовки), в то время как горные

⁶ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.216.

⁷ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.219об.

⁸ ОГАЧО. Ф.И-172. Оп.1. Д.6. Л.180; Оп.1. Д.8. Л.2.

⁹ ГАПК. Ф. 177. Оп.2. Д.127. Л.37.

территории служили зимовками. Еще в XVIII в. существовала так называемая «кошевая» дорога, которая вела из горной части Урала на равнинную территорию Зауралья. Шла она как раз из района северной (горной) Катайской волости, проходила через Мякотинскую (Бакатинскую) волость и уже в равнинной части раздваивалась – одна ветвь шла на юг, к Ую и Тоболу, а другая на восток, к Исети, к равнинной части той же Катайской волости. На карте, составленной в 1741 г. Ф. Санниковым, эта дорога в районе озер Нанюга и Иртыш подписана как «Дорога большая которою башкирцы ездят в Уральские горы кочевать», небольшой обзор этих дорог был сделан в недавней статье [55, с. 75–87].

То, что Салзаянская волость на Чусовой и таковая же на Синаре и Тече суть две части одной волости, подтверждается данными источников, в том числе и процитированным выше документом 1694–1695 гг. Есть и другие свидетельства: «пожалованы прадедам их в Уфимском уезде Салзаянскою волостью, которая межю имеет между Сыргянскою и Мякотинскою волостями. И потом деда, и отцы их, и они оною вотчиною и в ней звериными и рыбными промыслами владели по сей 1735 год»¹⁰.

В отличие от прочих упомянутых тюркских волостей, Исетская и Пышминская волость Тюменского уезда названа по географическим привязкам. Эта волость локализовалась, согласно данным Б.О. Долгих, в нижнем течении Пышмы и в самых низовьях Исети и упоминается в документах с 1631 г., причем Борис Олегович утверждает, что, согласно его источникам, населяли эту волость «уфимские пришельцы» [13, с. 42, 48]. Его выводы подтверждаются данными документов. В 1663 г. в росписи ясачной и поминочной мягкой рухляди Тюменского города сначала констатируется, что нескольких жителей Пышминской и Исетской волости «не стало без вести», а потом вернувшийся из побега Аллагул Байшев сообщил, что «те де Пышминские волости татарова, которые в сыску писаны и они де живут ныне все с ызменники около Арятяша (Аретяша) озера з башкирцы вместе»¹¹. Название «Аретяш» с большой долей уверенности можно интерпретировать как Иртыш, а это озеро входило в вотчинные владения бекатин. В 1734 г. старшина Мякотинской (бекатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: ««В Уфимском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера»¹². Есть и еще одно обстоятельство: в начале XVIII в., видимо, в период восстания 1705–1709 гг. сам Янгильда Бигишев уехал в Сингульские скиты, где и прожил не менее 10 лет, а затем вернулся в д. Редяшеву (она же Иртышская)¹³. А Б.О. Долгих соотносил Пышминскую и Исетскую волость с более поздней Сингульской волостью Ялуторовской округи [13, с. 42, 48].

В одной из работ авторы предположили, что Пышминская и Исетская волость была образована при переселении в низовья Исети и Пышмы тех представителей бекатин, которые до какого-то времени кочевали с Кучумовичами, а затем решили уйти от них и «осесть» [30, с. 64–65]. Относили созда-

¹⁰ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.569. Л.252.

¹¹ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.215об.–216.

¹² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1092а. Л.11об.

¹³ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1092а. Л.277.

ние этой волости годам к 1610-м. Причиной этому было преобладание в нашем осознании стереотипов и смутном представлении о распределении вотчинных земель и реальной системе землепользования тюрков Зауралья. Сейчас мы понимаем, что Мякотинская (Бакатинская) волость Уфимского уезда и Пышминская и Исетская волость Тюменского уезда, это две части одного улуса – Бакатин. В декабре 1673 г. тобольский служилый татарин Азбакей Кулмаметов в Сибирском приказе сообщил о тех местах, где хотел кочевать тайджи Дундук: «Ис Тобольска де езду до Черного, где стоит острог Абашской, зимним и летним путем 2 дни, а от Абашского острогу до Бекетина – день, а на Бекетине живут тобольские захребетные ясачные татаровя. А от Бекетина до Капканы – день, а тут живут тобольские кречатьи помыкальщики, а от Капканы до Ика-речки – полтора дни» [53, № 134]. Казалось бы, если территория Бекетин действительно соотносится с Пышминской и Исетской волостью (точнее в данном случае – с частью этой волости), то ее население должно платить ясак на Тюмень, а не в Тобольск. Но выясняется интересная деталь: Авазбакей Кульмаметов купил землю у служилого татарина Шугура Майтмасова и ясачных татар Иртычко Чюрина с товарищи. Точная дата покупки не известна, но произошло это до 1683 г., поскольку в переписных книгах Льва Поскочина эти угодья числились уже за Авазбакеем. Но, скорее всего, покупка этих земель произошла гораздо раньше¹⁴. В допросе ясачных людей Тюменского уезда 1671 г. в качестве есаула Пышминской и Исетской волости упоминается Юртайко Чюрин. Точнее, в документе перечислены сначала волости, а потом есаулы, но Пышминская и Исетская волость последняя среди перечисленных, так же, как и имя Юртая Чюрина приведено последним из имен есаулов¹⁵. Мы не можем гарантировать, что Юртайко и Иртычко – это один и тот же человек; но, как минимум – это братья, поскольку отчество Чюрин в документах этого периода нам больше не встретилось. То есть Авазбакей Кульмаметов купил у жителей Пышминской и Исетской волости часть их вотчинных земель и населил основанную им деревню Авазбакееву своими людьми¹⁶. А поскольку он был головой служилых и захребетных татар Тобольска, то и поселил он в своей деревне татар, подведомственных Тобольску. Мы не знаем, как соотносились с бекатин Мякотинской и Пышминской, и Исетской волостей селения бикатин, живших на Иртыше, Вагае и по Уватским болотам [60, с. 38–39].

Есть и другие примеры таких двойных волостей. В 1651 г. слободчики Чусовской слободы писали: «на Верхотурье в съезжей избе подали подали Соли Камской уезду на сылвинского татарина на Мамайка Турсунбаева з братьею челобитную, а в челобитной их написано: в нынешнем де во 159-м году в Петров пост приезжал к ним вверх Чюсовые реки в новую слободу тот Мамайко с братом своим с Тихоном и с воровскою черемисою человек с 50, з боем и с грабежом, и их, Сеньку и Афонку, с того места из новой слободы разогоняли» [36, с. 346]. Казалось бы – написано про сылвенских татар Соликамского уезда, которые пришли с разбоем на чужие территории; тем более, что и свидетельства ясачных «вогулов» окрестных волостей такую точку зрения подтверждают. Но следующий документ, уже 1660 г., ставит под сомнение эту версию. Гово-

¹⁴ ГАПК. Ф.316. О.1. Д.9. Л.72.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.245об.

¹⁶ ГАПК. Ф.316. Оп.1. Д.109. Л.72.

рится в нем об окольной (мимо таможни) дороге «мимо Чюсовскую слободу к Тихонку Турсунбаеву в юрты, а приезжают де к нему, Тихонке, многие назаемые татары, и бухарцы, и черемиса с торгами, и тех людей он, Тихонко, к вам, Петрушке с целовальником, в Чюсовскую слободу не отсылает, торгует де он с ними, татары, втай и отпускает их от себя в Сибирь окольною дорогою» [36, с. 346]. А в 1670 г.: «бьют челом сироты ваши Верхотурского уезду Чюсовской волости ясачныя татаровя и черемиса Бишко Тихонков Пахоско Шакшияров и все Чюсовской волости ясачныя татаровя и черемиса а в прошлых Государи годех по вашим Великих Государей указам селились мы сироты ваши вновь в Чюсовской волости от Чюсовской слободы 10 верст»¹⁷.

Очевидно, эта ситуация может быть реконструирована следующим образом: речь идет о тюрках (сылвенских татарах), имевших летовки на Сылве, а зимовки на Чусовой. После похода Ермака и приведения к шерти населения по Сылве и Чусовой это население сначала платило ясак Строгановым (точнее, русскому царю, но правом сбора обладали Строгановы), а затем в Соль Камскую [57, с. 45]. С созданием Верхотурского уезда волости сылвенских и иренских татар и остяков были переведены в его состав [6, с. 5, прим.], а в начале XVII в. по просьбе части ясачных людей их вернули в ведение Соли Камской [2, № 125]. Таким образом, период до 1608 г. (года передачи сылвенских и иренских волостей в ведение Соли Камской) вопрос о двух частях волости с административной точки зрения не возникал. До создания Верхотурского уезда разделения быть и не могло, после возникновения Верхотурья и его уезда обе части волости находились в его составе, и только после передачи сылвенско-иренских территорий в Соликамский уезд сылвенская и чусовская «половины» оказались разведены по разным административным образованиям. Кстати, в челобитной 1623–1624 (7134) гг. жители сылвенских и иренских волостей объясняли, что в соликамский ясак они перешли неправильно и «искони вечно де та Сылва и Ирень Верхотурского уезду, а не Пермского»¹⁸. Скорее всего, попытка вернуться в верхотурский ясак была вызвана комплексом причин, но разделенность территории волости между уездами вполне могла быть одной из этих причин.

И еще пример – Сызгинская волость: северная ее часть располагалась в верхнем течении р. Уфа и по ее притокам – Саране, Сардаге, Юве¹⁹; а вторая – на восточном склоне Уральского хребта к северо-востоку от оз. Аргази и р. Миасс²⁰.

Можно предположить, что так же две составляющих одной волости представляли Сырянская волость в верховьях Исети по Синаре и Багаряку и Киньрская волость в низовьях Туры. Как и с прочими волостями Тюменского уезда (кроме Терсяжской), мы испытываем большие затруднения в интерпретации племенной принадлежности населения Киньрской волости (Киньрского городка), поскольку практически нет упоминаний о принадлежности населения к какому-либо родовому или племенному подразделению. Само название Киньрского городка (как и Иленского и Обуховского) происходит от имени Киньр, как об этом писал Б.О. Долгих [13, с. 44–45]. Но в одном из ранних доку-

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1111. Д.51. Л.62.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.2. Л.137.

¹⁹ ГАПК. Ф. 297. Оп.2. Д.88. Л.1; ГАСО. Ф.59. Оп.15. Д.16.

²⁰ ГАСО. Ф.59. Оп.3. Д.2236.

ментов 1601 г. встречаем следующее сообщение: «Нынешнего, господине, 109-го году июня в 16 день приехали к нам в Тюменский город Тюменского уезда Балкурские волости ясачные татарове Ахкоза Янчатов, Абжитемир Тохташев, да Козыбай Янчеров, да Кизылбай Усенгильдеев, да Кошбархан Болтин, 5 человек, а в распросе нам сказали: приезжал де из Киньрские волости ясачный татарин Кудабердей сырянец, в Теренгульскую волость к татарину к Мангуту с сыном свататься на дочь...» [35, с. 198]. Разумеется, одно упоминание не может служить основанием для выводов, но, исходя из ситуации Катайской, Терсякской, Мякотинской волостей, мы можем предположить, что Киньрская волость является восточной «половиной» волости Сыррянской. Подтвердится это предположение или нет – покажет время.

Были и волости, размер которых позволял почти весь хозяйственный цикл обеспечивать за счет единой территории. Самым ярким примером, пожалуй, является нераздельная Каратабынская и Барынтабынская волость (либо земля двух этих волостей, находящаяся в нераздельном пользовании). Граница этой волости по документу 1692 г. проходила в Зауралье следующим образом: «на вершину реки Урака и до устья оной на речку Ай до устья горы Шунгурюя, потом уральскую Мулдыбыик по речке Миясу и горе Укне-Имякне и на озеро Идрязи; поворот от оногo на речку Тикюс и по оной до брода Кармали, со оногo по речке Сумляне и до брода Буракая лежащего через реку Миас, до устья реки Уя и до степи состоящей за рекою Тоболом, до озера Юбелея и от оногo до вершины реки до Черного тока и до местечка Акиар-Гиргу, от коегo поворот до Чюрика-Икая» [32, с. 80]. Если перевести на современные названия ориентиров, то от р. Ай по р. Миасс до озера Аргазы, затем, очевидно, до р. Теча, по ней до брода в районе современного села Бродокалмак Челябинской области, оттуда до брода в районе впадения р. Чумляк (Сумляне) в р. Миасс и далее на устье р. Уй и за Тобол, из-за Тобола к верхнему течению Яика (р. Урал). Эта огромная территория позволяла жителям вести хозяйство, используя размеры и ландшафтное разнообразие. Так, когда в январе 1735 г. крестьяне Багарякской слободы приехали на оз. Чебаркуль, чтобы договориться с башкирами об аренде озера, то оказалось, что те на зиму откочевали в верховья р. Уй²¹. В то же время Таймас Шаимов со своими людьми зимовал на оз. Аргазы, а на летовку откочевывал на р. Уй или на р. Тобол. В апреле 1736 г. толмачу И. Дуракову башкиры сказали, что Т. Шаимов «ушел де со всеми жителями, с женами и с детьми на реку Уй»²². П.С. Паллас, описывая деревню Таймас-аул, полагал, что «жители со своими стадами убрались в прохладнейшие горы» [41, с. 157], поскольку, по его описаниям, башкиры «...в июне месяце, избегая комаров и оводу, кои тогда в сих странах почти воздух наполняют, с своими стадами в холоднейших горные места переходят... опять в степь возвратится в конце июля и начале августа, к своим зимовьям» [41, с. 96]. Очевидно, здесь речь идет о сочетании разных вариантов полукочевого хозяйства – яйлажного и равнинного.

И Каратабынская волость, точнее, обеспеченность документами по более позднему периоду ее истории, является своеобразным ключом к пониманию того, как выходили из ситуации жители небольших по территории волостей,

²¹ РГАДА. Ф.248. Кн.1525. Л.47об.; ОГАЧО. Ф.Р-481. Оп.1. Д.97. Л.66об.

²² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.626«а». Л.566об.

не имевшие второй «части» угодий для летнего или зимнего выпаса скота. Ярким примером значительной группы башкир, проживавших на территории не своей волости являются айлинцы. Помимо части этого родового подразделения башкир, проживавших в Айлинской волости, крупные группы их жили на территории Каратабынской и Баратабынской неразделенной волости, видимо, еще с конца XVII в., если не с более давних времен. В документе 1753 г. говорится: «ездил де он (землемер – Г.С.) для размежевания башкирских земель в Баратабынскую и Каратабынскую волости у которых де одна вотчина старшин Таймаса тархана Шаимова, Арыка Исенбаева, Курманая Кулеева и с ними дв(о)е Айлинской волости команд, старшин – Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева в той волости живущие по припуску... а что же де, в той вашей вотчине имеются вышеписанные изстари припущенные прапрадедами и дедами двух айлинских волостей башкирцы команды старшины Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева, по договорным данным им угодьям, от прадедов и дедов ваших владеть яко то селением, санными покосами, пахотной землей, почему и ныне вы, Таймас с товарищ, им, айлинцам, жить в той вашей волости во обществе по тем договорам позволяете»²³. Несколько позже число айлинцев в Каратабынской и Баратабынской волости еще увеличилось, и вотчинники попытались отправить домой хотя бы часть из них. На что айлинцы команд старшин Кужи Левашева и Адилши Муртазина в 1793 г. сообщили в земский суд: «...Айлинской волости башкирцы на принадлежащую как им Каратабынской так и Барынтабынской волости башкирцам вотчинную землю никогда самовольно не заселялись..., а живут единственно с самых давних лет от прапрадедов по полюбовному между собой соглашению и припуску...», «на собственной нашей земле, пожалованной ото великих государей прапрадедам, дедам и отцам нашим, которая простирается от Уральских гор до реки Аю... ис которой прадедами и дедами нашими продано под бывшей во владении заотчика Масалова, а ныне Лугининых Златоустовской и вновь строящийся Кусинский заводы немалая часть. За тем же оставшею владеют той же Айлинской волости старшина Абдулкарим Кулбаков с подкомандующими, но и то состоит большею частию в одних Уральских горах, каменистых и болотистых местах, к поселению, хлебопашеству и скотоводству неудобное...»²⁴.

Описанная выше ситуация относится к XVIII в., точнее, к его середине и второй половине, то есть к периоду, когда значительная часть вотчинных земель тюркского населения была выведена из их хозяйственного оборота – забрана под земли крепостей, «куплена», или «арендована» для обеспечения потребностей металлургических заводов. Земли стало просто не хватать, и это хорошо прослеживается в рассматриваемой ситуации. Башкиры Каратабынской и Барынтабынской волостей так и объясняли, что айлинцы жили на их земле с давних пор, «когда еще оной у них каратабынцев довольно было»²⁵. А к 1780-м гг. значительная часть владений Каратабынской волости была забрана под нужды Челябинской, Миасской, Чебаркульской, Уйской, Троицкой, Еткульской и других крепостей. Причем отводы земель этих крепостей смыкались между собой, т.е. из землепользования табынцев была ис-

²³ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.18–19об.

²⁴ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.18–19об.

²⁵ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.3.

ключена огромная территория. Впоследствии они продали часть земель под нужды заводов, что еще больше уменьшило оставшуюся территорию их вотчинных угодий. Восточную часть их волости отвели ичкинским татарам, служилым сартам, аюкинским калмыкам, катаяцам и служилым мешчерякам [74, с. 38–50]. В этой ситуации происходит дополнительный приток айлинцев, а кроме них еще и сызгинцев – и у тех и у других проблемы с землей были гораздо серьезней, чем у табынцев. По заявлению старшин Каратабынской волости, на ее территории (разделенной между Троицким и Челябинским уездами) проживало до 700 дворов припущенников²⁶.

Но одним из самых важных моментов, отмеченных в процитированном документе, было изменение характера использования земель Табынской волости припущенниками. Чтобы проиллюстрировать это, приведем большой фрагмент документа: «...с начала припущения на ту их Каратабынской волости вотчинников землю... тогда показанные айлинцы на той земле не всегдашнее имели житие, а только времянно, яко то зимою. С начала лета уходили на жалованную их Айлинскую собственную землю ... где и проживали по полугоду и более, а по наступлении зимы приезжали на их Каратабынские земли со скотом, на малое только время. И тем самым тогда оным каратабынцам от них айлинцев дальняго притеснения не происходило. Но ныне де те айлинцы оставляя таковыя их прежния положения, в тех каратабынских дачах загораживая великими поскотинами и захватывая их самые нужные к продовльствию оных каратабынцев лутчие хлебопахотные, сенокосные и сему подобные выгодные места и для прокормления как летом, так и зимою скота, всего онаго их каратабынцев лишают...»²⁷. Очевидно, первоначально припуск носил частичный характер. Иначе говоря, в XVII в. те группы тюрок, которые не располагали обширными вотчинными угодьями, решали проблему сезонных перекочевок за счет территорий соседних волостей, как это видно на примере айлинцев и табынцев.

Подобная ситуация не была исключением, и такие перемещения групп ясачного населения между волостями, в том числе и между волостями соседних уездов, не были редкостью. Приведем лишь несколько примеров. В документе 1606 г. сообщается: «посылал де тюменский новокрещеной Олеша Алимов в Уфинский уезд в свою вотчину для бобровые ловли тюменского ясачного татарина Исенка Бетикова и сказывал де тот Исенка ему Мотмасу: был де он Исенка в Уфинском уезде в волости в Челзеуте у ясачного татарина у Ендоски [35, с. 226]. В 1650 г.: «ездили де они в Уфинской уезд, и, едучи, у тотар про воинских людей проводывали и татар спрашивали, и в Катайских волостех им сказали уфимской татарин Кулмаметко, а чей сын, того не упомнят, да тюменские ясашные татаровя, которые живут в уфинских волостях, Кызабай, да Бееулы, да Англич...» [37, с. 336]. «Видел де он Бекмаметко у Тимошки Иткулова в юртах епанчинского татарина Кузюбайка, и тот де Кузюбалко сказывал ему Бекмаметку: жил де он, Козюбайко на пашне, з женою и детьми, вверх по Исете речки повыше Теньчи реки...» [35, с. 468]. В 1635 г. кучумович Аблай приходил на Исеть «и взял на Исете уфинского ясаку с татар 24 семьи, да тюменсково ясаку татар 3 семьи ... тот Бекенейко ту-

²⁶ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.1.

²⁷ ОГАЧО. Ф.И-44. Оп.1. Д.164. Л.3–Зоб.

ринсково ясаку, а живет на Исете...» [35, с. 493]. В 1633 г. Девлеткирей напал на селения Уфимского и Тюменского уезда, в Бачкурской волости разорил Баишевы юрты «и татар всех из тех юрт, тюменских и уфинских з женами и з детьми в полон взял и животы их все пограбил» [35, с. 474]. То есть процесс был взаимным – тюменские ясачные люди жили в Уфимском уезде, уфимские – в Тюменском уезде.

Для завершения картины необходимо добавить еще одну важную деталь: помимо зимних и летних угодий существовали еще угодья охотничьи. Для тюрков Зауралья в качестве таковых выступали земли в верхнем течении Тобола, по Ую, Убагану, по Ишиму, в нижнем течении р. Миасс (Илецкий бор). Мы можем убедиться в этом на материалах большого количества опубликованных документов, которые свидетельствуют о том, что и башкиры Уфимского уезда, и тюрки Верхотурского уезда, и ясачные и служилые татары Тюменского и Туринского уездов воспринимали в качестве охотничьих угодий описанные выше территории. В 1603 г. татары Терсяцкой волости Верхотурского уезда вместе с ясачными татарами Башкурской волости Тюменского уезда зверовали за р. Уй «по речке по Тузаку (Таузаку – авторы)» [35, с. 212]. В 1616 каратабынцы зверовали по обеим сторонам Миасса, переехав Тобол к Арал Карагаю [35, с. 274]. В 1620 г. тобольский воевода М.М. Годунов отписывал, что по всему Тоболу «ездят на зверовья ясачные люди» [53, с. 101]. В 1623 г. катайцы зверовали «верх Тобола река на Илет Карагае», а ясачные татары Тюменского города – на Среднем Юртыке (Утыке), притоке Тобола [35, с. 341, 348]. В 1628 г. тюменские татары находились на зверовьях у р. Черной, притоке Тобола [35, с. 398]. В 1630 и 1632 гг. ясачные татары Терсяцкой и Тарханной волости были на зверовьях на оз. Медвежьем и Кушкуле за Миассом [35, с. 449, 455]. В том же году на притоке Тобола, Среднем Утеке (Утыке) были тюменские ясачные татары Пышминской волости [35, с. 455]. Тогда же кичиры были на охоте на р. Кизыке (Кизаке), притоке Емуртлы, которая входит в водную систему Тобола, а тюменские татары – на рыбной ловле и зверовьях на Тоболе недалеко от впадения Исети [35, с. 462]. В 1645 г. тюменские (племенные и клановые названия с 1640-х гг. практически не встречаются в источниках) юртовские служилые татары зверовали за Тоболом на Нижней Алабуге [35, с. 591], а в 1647 г. – за Тоболом в верховьях Суери [35, с. 609]. В 1649 г. тюменские ясачные татары зверовали в бору на Миассе [36, с. 330], а также на урочищах за Тоболом [35, с. 380; 36, с. 329]. В 1653 г. ясачные люди разных волостей Тюменского уезда объясняли, что «кочуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата Тюменскова уезду блиско, днища в дву и в трех, и зверуют по которым местам преже сего они, ясачные люди, зверовали и ясак добывали – по Ишиму, и по Тоболу, и по Исете, и по иным речкам, и в степе, и по лесом»²⁸.

В отношении использования охотничьих угодий по Тоболу, Ишиму и их притокам интересно то обстоятельство, что охотиться сюда ходили и ясачные, и служилые люди из тех волостей, связь которых с известными нам волостями Южного Зауралья не прослежена (или пока не прослежена, – уже упоминавшихся выше Иленской и Шикчинской и Каскаринской волостей Тюменского уезда, а также Таржанской волости Тобольского уезда, которая распо-

²⁸ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.170.

лагалась по Тоболу, рядом с устьем Туры, и фактически находилась на стыке Тобольского и Тюменского уездов. Жители этой волости упоминаются вместе с ясачными татарами Тюменского уезда [35, с. 449, 474].

В рассказах тюменских ясачных людей середины XVII в. и позже есть одна очень важная деталь: «ясашные ж люди Кынырсково городка, и Бачкурской и Терсяцкой волостей, и Ленсково городка, и Пышминской и Искцкой волости допрашиваны: Для чего они, ясашные люди, в прошлых и в нынешнем во 162 году в ясак белки илети, и бобров, и ярцов, и кошлоков приносили мало, а иные и не сполна? И ясашные люди сказали, что от погрому калмыцких людей и Кучюмовых внучат они бедны ... по которым местам ясашные люди преж сего белку илет по бором добывали, и бобры, и ярцы, и кошлоки по вотчинным своим землям, а лисицу на зверовье в степе промышлял, и ныне по тем местам зверуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата, и им, ясашным людям зверовать не дают. И Илецкие боры по вся годы выжигают...»²⁹. Последний штрих – о выжигании боров, т.е. пускании пала – очень хорошо показывает разницу в использовании земель по Тоболу с притоками, низовьям Миасса и Ишиму ясачным населением и калмыками. Для ясачных это были охотничьи угодья, и пал был бедствием, так как наносил огромный ущерб промысловому зверю (пал обычно пускается ранней весной, чтобы выжечь старую траву и стимулировать рост новой травы). Для кочевников пал был обычным способом улучшения качества пастбищ.

В качестве небольшой ремарки можно добавить, что и в этом случае вотчинники Каратабынской и Барынтабынской волостей находились в исключительном положении, поскольку часть традиционных охотничьих угодий тюрков Зауралья практически входила в состав их волости, по крайней мере, к концу XVII в.

Подытоживая эту часть статьи, посвященную системе землепользования тюрков Южного Зауралья, можно сделать следующие выводы: к моменту вхождения в состав Русского государства Южное Зауралье и прилегающие территории, включая земли в верхнем течении рр. Уфа и Чусовая, то есть Приуралья, по рр. Пышма, Исеть и, частью, Тура и Тобол между устьями Исети и Туры, представляли собой территорию комплексного хозяйствования местного тюркского населения. Очевидно, что эта система была сформирована на протяжении предшествующих столетий и тесно связана с политическими претензиями Шибанидов на приуральские территории, где хозяйствовали связанные с ними племена. При этом многие из волостей, которые традиционно описывались в отечественной историографии как самостоятельные (единичные) ясачные волости Верхотурского, Уфимского и Тюменского уездов, при ближайшем рассмотрении оказываются частями «сложных» (двухкомпонентных) волостей, разделенных, после включения территории в административную систему российского государства, между различными уездами. Так, одна часть Терсяцкой волости оказалась в Верхотурском уезде, а вторая – в Тюменском; западная составляющая Мякотинской (бакатин) располагалась в Уфимском уезде, а восточная – в Тюменском, в низовьях Исети и Пышмы и т.д. Такая «двухкомпонентность» волостей объясняется спецификой полукочевого скотоводческого хозяйства, подразумевавшего

²⁹ СПФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.8. Л.171об.–172.

наличие летних и зимних пастбищ. Кроме того, важным признаком, показывающим сложившийся единый культурно-хозяйственный комплекс тюркского населения указанной территории являлась общая охотничья территория, включавшая земли в верхнем течении Тобола и по Ишиму, – Илецкий бор. Как показывают документы XVII в., эти территории использовались в качестве охотничьих угодий тюрками зауральских волостей уфимского уезда, южных волостей Верхотурского уезда и юго-восточных волостей Тюменского уезда. Очевидно, что такая ситуация сложилась в период, предшествовавший русскому завоеванию Сибири, то есть относится ко времени существования Тюменского и Сибирского ханств. При этом непроясненным остается вопрос о том, что было первичным в сложившейся системе: политические претензии и пространство, торговые связи или же именно специфическая система землепользования тюркских групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С.Саблукова // *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. III. 1613–1645. СПб., 1841. 538 с.
3. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // *Исторический архив*. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
4. *Байдин В.И., Грачев В.Ю., Коновалов Ю.В., Мосин А.Г.* Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: ООО «Грачёв и партнеры», 2011. 68 с.
5. Башкирские шежере / сост., перевод текстов, введение и комментарии Р.Г.Кузеева. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1960. 304 с.
6. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков, 1889. 345 с.
7. *Валиди Тоган А.* История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
8. *Валиханов Ч.Ч.* Извлечения из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // *Собрание сочинений*. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 1984. С. 228–254.
9. Вычегодско-Вымская летопись // *Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР*. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.
10. *Гарустович Г.Н.* След Великой Замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем, 2012. 222 с.
11. *Герберштейн С.* Записки о Московии / под ред. В.Л.Янина. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 420 с.
12. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Ч. 3 // *Известия Оренбургского отдела Русского географического общества*. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 257–524.
13. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Академии наук СССР, 1960. 622 с.
14. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П.Храпачевский. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.
15. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.

16. *Исхаков Д.М.* К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск-Омск: ОмГУ, 2002. С. 173–181

17. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2006. 196 с.

18. *Исхаков Д.М.* К вопросу о западных пределах Улуса Шибана и его потомков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2014. С. 28–30.

19. *Исхаков Д.М., Тычинских З.А.* О шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 128–145.

20. Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

21. Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Вестник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Кн.5. М., 1850. I–IV+1. 148 с.

22. *Корепанов Н.С.* «Горная власть» и башкиры. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (дата обращения 29.09.2015)

23. *Корчагин П.А.* История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 180 с.

24. *Костюков В.П.* «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С. 43–97.

25. *Костюков В.П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

26. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингиз-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литературы» РАН, 2006. С. 159–164.

27. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2010. 560 с.

28. *Маслюженко Д.Н.* Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «улус Шибана» в первой четверти XV века // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П.Костюкова. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 88–101.

29. *Маслюженко Д.Н.* Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 62–68.

30. *Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х.* Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57–72.

31. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.

32. Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. Часть I. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936.

33. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

34. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.

35. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.

36. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература РАН, 2005. 598 с.
37. *Миргалеев И.М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.
38. *Мустакимов И.А.* К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории АН РТ им.Ш.Марджани, 2009. С. 185–189.
39. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит, 2011. С. 228–248.
40. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1997. 268 с.
41. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1786 Ч. 2. Кн. 2. 424 с.
42. *Парунин А.В.* Походы Сибирских Шибанидов на Казань в конце XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 102–109.
43. *Пекарский П.П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1872. 29 с.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н.А. Казакова, К.Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.
46. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 87 с.
47. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.
48. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т.VII. М.-Л., 1951. С. 254–299.
49. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 617 с.
50. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.
51. *Рахим А.* Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 555–594.
52. Рашид ад-Дин Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 187–189.
53. Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. М.: Восточная литература РАН, 1996. 560 с.
54. *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. XXX, 295 с.
55. *Самигулов Г.Х.* Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // Научный диалог.: История, социология, этнография. № 6 (18). 2013. С. 75–87.
56. *Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х.* Первые демидовские заводы на Южном Урале / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Областной дом печати, 2007. 224 с.
57. Сибирские летописи. Издание Имперской Археографической комиссии. СПб.: типография И.Н.Скороходова, 1907. XXXVIII+425 с.

58. *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.
59. *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 276 с.
60. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1992. 271 с.
61. *Трепавлов В.В.* Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II международной конференции. Кн.2. М.; Иркутск; Тэгу: Иркутск. гос. пед. универс., 1997. С. 180–186.
62. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
63. *Трепавлов В.В.* Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С. 101–102.
64. *Трепавлов В.В.* Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.
65. *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1982. 335 с.
66. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.
67. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII вв. М.: Индрик, 2007. 408 с.
68. *Хафиз-и Таныш Бухари.* Шараф -наме-йи шахи (Книга шахской славы). Т. 1. М.: Наука, 1983. 155 с.
69. *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. М.: Инсан, 1996. С. 531–758.
70. *Шакурова Ф.А.* Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 136 с.
71. *Шаиков А.Т.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.
72. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
73. *Шумилов Е.Н.* О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 141–143.
74. Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) / под ред. Д.Н.Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2012. 102 с.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** **J-9551-2017** (640020, ул. Советская, 63, корпус 4, Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (454081, пр. Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация). E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила 27.02.2017

Принята к публикации 30.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**TURKIC COMMUNITIES IN SOUTH TRANS-URALS
IN THE 15TH–17TH CENTURIES:
NATIONAL, ADMINISTRATIVE, TERRITORIAL,
ETHNOSOCIAL TRANSFORMATIONS**

*D.N. Maslyuzhenko*¹, *G.Kh. Samigulov*²

¹ *Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

² *South-Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Research objectives: The article reads on the settlement on and the economic use of the south Trans-Urals territories by Turkic communities.

Research materials: Published and unpublished sources: books of official orders in the Russian state, chronicles, acts, diplomatic documents, archaeological data, etc.

Results and novelty of the research: Traditionally, administrative divisions of Ural and Trans-Urals are considered to be a sort of a naturally emerged structure. Having analyzed the sources, we may conclude: the system of counties' (uyezd) division, as introduced by the Russian state, did not consider the allocation of the communities and their economic management mode. Cattle breeding practices of the local Turks determined the specificity of their economic activities. Many Turks' volosts (ancestral territories) were compound and consisted of two parts: the winter part and the summer one. These two parts could be quite long-distance, divided by the Urals and upon being included into the Russian state they were designated to different uyezds. For instance, one part of Tersyak volost was assigned to Verkhoturkiy uyezd and the second – to Tyumensky uyezd; the western part of the Myakotinskaya (Bakatin) volost was located in Ufimsky uyezd and the eastern – in Tyumensky uyezd, which was in the lower reach of the Iset and Pyshma rivers. Consequently, by the moment of being merged into the Russian state, the territories indicated below were economically managed by the local Turks: South Trans-Urals and a part of Cis-Urals, including the territories in the upperstreams of the Ufa and Chusovaya rivers, along the Pyshma and Iset rivers, partially the Tura river, and Tobol between the outflows of the Miass and Tura. The given practice arose in the late Middle Ages and was intimately connected with Shibanids' claims who ruled in Tyumen and Siberian Khanates. They claimed not only to the territories in the south of West Siberia, Aral Sea region and Syrdarya region, but also to the Cisuralian area. This was reflected as in their ambition to take the Kazan throne or to collect yasak from the Cisuralian area including Bulgar, so in introduction of their direct rule on the Bashkir Cis-Urals. The political space unity and nomadism similar to common local Turkic groups' living could become a significant factor for that, as well as the territories united by trading routes. The same factors facilitated the migration of sizable groups from Trans-Urals and the south of West Siberia to Cis-Urals, as it happened to Tabyn tribe.

Keywords: Siberian Shibanids, South Trans-Urals, Turkic tribes, volost division

For citation: Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic Communities in South Trans-Urals in the 15th–17th centuries: National, Administrative, Territorial, Ethnosocial Transformations. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 363–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396

REFERENCES

1. Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnoe drevo tyurkov [The Genealogical Tree of the Turks]. In Ioakinf. *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the

First Four Khans from the Chinggis Khan's House]. Moscow, Tashkent, Baku, 1996, pp. 3–186. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissiyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 3. St. Petersburg, 1841. 538 p. (In Russian)

3. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh v Vostochnoy Evrope [Information of the Hungarian Missionaries of the 13th–14th centuries on the Tartars in Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940, vol. III, p. 71–112. (In Russian)

4. Baydin V.I., Grachev V.Yu., Konovalov Yu.V., Mosin A.G. *Uktus, Uktusskiy zavod i ego okrestnosti v XVII–XVIII vv.* [Uktus, Uktusky Plant and Its Surroundings in the 17th–18th centuries]. Ekaterinburg, 2011. 68 p. (In Russian)

5. *Bashkirskie shezhere* [Bashkir Shejeres]. Kuzeev R.G. [sost.]. Ufa, 1960. 304 p. (In Russian)

6. Butinskiy P.N. *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The Settling of Siberia and the Life of Its First Inhabitants]. Kharkov, 1889. 345 p. (In Russian)

7. Validi Togan A. *Istoriya bashkir* [History of Bashkirs]. Ufa, Kitap Publ, 2010. 352 p. (In Russian)

8. Valikhanov Ch.Ch. Izvlecheniya iz Dzhami at-tavarikh. Sbornik letopisey [Excerpts from the Jami al-Tawarikh. Compendium of Chronicles]. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. 1984. Vol. I, pp. 228–254. (In Russian)

9. Vyhegodsko-Vymskaya letopis' [Vyhegda-Vym Chronicle]. *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical-Philological Collection of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences]. Syktyvkar, Komi knizhnoe Publ., 1958, is. 4, pp. 241–270. (In Russian)

10. Garustovich G.N. *Sled Velikoy Zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga)* [The Trail of the Great Zamyatnya (location in the 14th century near the village of Brik-Alga)]. Ufa, Gilem Publ., 2012. 222 p. (In Russian)

11. Herberstein S. von. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 420 p. (In Russian)

12. Dobromyslov A.I. Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk [Turgay Oblast. Historical Sketch]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of Orenburg Department of Russian Geographical Society]. Tver, 1902, part 3, is. 17, pp. 257–524. (In Russian)

13. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennyi sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Generic and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 622 p. (In Russian)

14. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in Sources. Arab and Persian writings]. Comp., introductory article and comments by R.P. Khrapacheskiy. Moscow, 2003, vol. 1. 448 p. (In Russian)

15. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnicheskii vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)* [From Medieval Tatars to Tatars of New Times (ethnic view of history of Volga-Ural Tatars in the 15th–17th centuries.)]. Kazan, Master-Line, 1998. 276 p. (In Russian)

16. Iskhakov D.M. K probleme etnicheskikh i politicheskikh svyazey tyurok Zapadnoy Sibiri i Volgo-Ural'skogo regiona v XV v. [To the Problem of Ethnic and Political Relations of the Turks of Western Siberia and the Volga-Ural Region in the 15th century]. *Tyurkskie narody. Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (9–11 dekabrya 2002 g., Tobol'sk)* [The Turkic Peoples. Proceedings of the 5th Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia” (December 9–11, 2002, Tobolsk)]. Tobolsk, Omsk, Omsk State University Publ., 2002, pp. 173–181. (In Russian)

17. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo hanstva. Ocherki* [An Introduction to the History of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2006. 196 p. (In Russian)

18. Iskhakov D.M. К вопросу о западных пределах Улуса Шибана и его потомков [To the Question about the Western Limits of the Ulus of Shiban and His Descendants]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the Second all-Russian Research Conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 28–30. (In Russian)
19. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. O shibanidskom «sledе» v Bulgarskom vilayate Ulusa Dzhuchi [On the Shibanid “Trace” in the Bulgar Vilayet of the Ulus of Jochi]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 128–145. (In Russian)
20. *Kazanskaya istoriya* [The Kazan Story]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1954. 195 p. (In Russian)
21. *Kniga, glagolemaya Letopisets Fedora Kirillovicha Normantskogo* [The Book Called the Chronicler of Fedor Kirillovich Normantsy]. *Vestnik Imperatorskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Bulletin of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, 1850, book 5. I–IV+148 p. (In Russian)
22. Korepanov N.S. «Gornaya vlast'» i bashkiry [“Mining Power” and the Bashkirs]. Available at: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (accessed 29.09.2015) (In Russian)
23. Korchagin P.A. *Istoriya Verkhotur'ya (1598–1926). Zakonomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i skladyvaniya arkhitekturno-istoricheskoy sredy goroda* [History of Verkhotur'ye (1598–1926). Patterns of Socio-Economic Development and Formation of Historical and Architectural Environment of the Town]. Ekaterinburg, Bank of cultural information, 2001. 180 p. (In Russian)
24. Kostyukov V.P. «Zheleznye psy Batuidov» (Shiban i ego potomki v voynakh XIII v.) [The “Iron Dogs” of the Batuids (Shiban and his descendants in the wars of the thirteenth century)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana=Questions of History and Archaeology of Western Kazakhstan*, 2008, no. 1, pp. 43–97. (In Russian)
25. Kostyukov V.P. *Ulus Shibana Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Kazan, Fen Publ., 2010. 200 p. (In Russian)
26. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow, Vostochnay literatyr Publ., 2006. 557 p. (In Russian)
27. Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement]. Ufa, Dizayn Poligraf Servis, 2010. 560 p. (In Russian)
28. Maslyuzhenko D.N. Khany Makhmud-Khodzha i Khadzhi-Mukhammed, ili «Ulus Shibana» v pervoy chetverti XV v. [Khans Mahmud Hoja and Haji Muhammad or the “Ulus of Shiban” in the first quarter of the 15th century]. *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh pamyati V.P.Kostyukova* [Questions of History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde. Collected Papers in Memory of V.P. Kostyukov]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet Publ., 2011, pp. 88–101. (In Russian)
29. Maslyuzhenko D.N. Politicheskaya deyatelnost' Sibirskikh Shibanidov v pervoy chetverti XVI veka (po perepiske Ak-Kurta s Moskvoy) [Political Activity of the Siberian Shibanids in the first quarter of the 16th century (based on correspondence of Ak-Kurt with Moscow)]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of International Conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2011, pp. 62–68. (In Russian)
30. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Tyurkskie yasachnye volosti v Priiset'e v pervoy polovine XVII veka [Turkic Yasak Volosts in Cis-Iset Region in the first half of the 17th century]. *Voprosy istorii =Questions of History*. 2017, no. 1, pp. 57–72. (In Russian)

31. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [Siberian Khanate: Political and Military Aspects of History]. Kazan, Fen Publ., 2012. 260 p. (In Russian)
32. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR]. Moscow, Leningrad, Academy nauk SSSR Publ., 1936, part I. (In Russian)
33. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings)]. Suleymenov B. [otv. red.]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 655 p. (In Russian)
34. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Vostochnay literatura Publ., 2005. 630 p. (In Russian)
35. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnay literatura Publ., 2000. 796 p. (In Russian)
36. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. III. Moscow, Vostochnay literatura Publ., 2005. 598 p. (In Russian)
37. Mirgaleev I.M. Soobshchenie Prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnykh Shibanids [Information of the Continuator of “Chingiz-nama” of Ötemish-Haji on the Late Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the Second Russian Research Conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 64–66. (In Russian)
38. Mustakimov I.A. K voprosu ob istorii nogayskogo prisutstviya v Kazanskom yurte [To the Question about the History of the Nogai Presence in the Kazan Yurt]. *Natsional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie* [National History of Tatars: a Theoretical-Methodological Introduction]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 185–189. (In Russian)
39. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information of “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name” on the Domains of Some Jochids]. *Tyurkologicheskyy sbornik. 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection. 2009–2010: Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Eastern literature Publ., 2011, pp. 228–248. (In Russian)
40. Napol'skikh V.V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to the Historical Uralic Studies]. Izhevsk, Udmurt Institute of history, language and literature, 1997. 268 p. (In Russian)
41. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Journey through Various Provinces of the Russian State]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1786, part 2, book 2. 424 p. (In Russian)
42. Parunin A.V. Pokhody Sibirskikh Shibanidov na Kazan' v kontse XV v. [Campaigns of the Siberian Shibanids against Kazan in the end of the 15th century]. *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordyy: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh pamyati V.P.Kostyukova* [Questions of History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde. Collected Papers in memory of V.P. Kostyukov]. Astrakhan, Astrakhan University Publ., 2011, pp. 102–109. (In Russian)
43. Pekarskiy P.P. *Kogda i dlya chego osnovany goroda Ufa i Samara?* [When and Why the Towns of Ufa and Samara Were Founded?]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1872. 29 p. (In Russian)
44. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 12. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 12. Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)

45. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Ustyug and Vologda Chronicles of the 16th–18th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 37. 228 p. (In Russian)
46. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1508 gg.* [Ambassadorial Book on Russian Relations with the Nogai Horde in 1489–1508]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1984. 87 p. (In Russian)
47. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Book on Russian Relations with the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)
48. *Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda* [Continuation of the Chronograph according to the Edition of 1512]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow, Leningrad, 1951. Vol. VII, pp. 254–299. (In Russian)
49. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Book of Official Orders in the Russian State: 1475–1598]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 617 p. (In Russian)
50. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Book of Official Orders in the Russian State: 1475–1605]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 1. Part 1–2. 406 p. (In Russian)
51. Rakhim A. *Novye spiski tatarskikh letopisey* [New Copies of Tatar Chronicles]. *Problemy istorii Kazani: sovremennyy vzglyad* [Problems of the History of Kazan: a Modern View]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2004, pp. 555–594. (In Russian)
52. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. Vol. 1. Part 1, pp. 187–189. (In Russian)
53. *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. A Collection of Documents]. Moscow, Eastern literature, 1996. 560 p. (In Russian)
54. Rychkov P.I. *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii* [The History of Orenburg after the Establishment of Orenburg Province]. Ufa, 2001. XXX+295 p. (In Russian)
55. Samigulov G.Kh. *Doroga: chast' i tseloe: osmyslenie dorogi v raznykh masshtabakh vospriyatiya* [Road: The Part and the Whole. The Understanding of Road at Different Scales of Perception]. *Nauchnyy dialog: Istoriya, sotsiologiya, etnografiya – Scientific Dialogue: History, Sociology, Ethnography*. 2013, no. 6 (18), pp. 75–87. (In Russian)
56. Svistunov V.M., Men'shenin N.M., Samigulov G.Kh. *Pervye demidovskie zavody na Yuzhnom Urale* [First Demidov's Factories in Southern Urals]. Chelyabinsk, Regional house of the press, 2007. 224 p. (In Russian)
57. *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. St. Petersburg, typography of I.N.Skorokhodov, 1907. XXXVIII+425 p. (In Russian)
58. Taymasov S.U. *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII veke* [Bashkir-Kazakh Relations in the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 344 p. (In Russian)
59. Tomilov N.A. *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [Turkic Population of the West Siberian Plain in the end of the 16th – the first quarter of the 19th centuries]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1980. 276 p. (In Russian)
60. Tomilov N.A. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny kontsa XVI – nachala XX v.* [Ethnic History of the Turkic Population of the West Siberian Plain of end of the 16th – beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 271 p. (In Russian)
61. Trepavlov V.V. *Sibirsko-nogayskie otnosheniya v XV–XVIII vv. (osnovnye etapy i zakonomernosti)* [Siberian-Nogai Relations in the 15th–18th centuries (the main stages and patterns)]. *Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost': Doklady II mezhdunarodnoy konferentsii* [Relations of the Peoples of Russia, Siberia and the Eastern Countries: History and Modernity. Proceedings of the Second International Conference]. Moscow, Irkutsk, Tagu, Irkutsk State pedagogical University, 1997, book 2, pp. 180–186. (In Russian)

62. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Moscow, Vostochnay literatyra Publ., 2002. 752 p. (In Russian)
63. Trepavlov V.V. Moskovskoe i kazanskoe «poddanstvo» Sibirskogo yurta [Moscow and Kazan “Allegiance” of the Siberian Yurt]. *X Suleymanovskie chteniya. Sbornik materialov vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Tenth Suleymanov Readings. Proceedings of Russian Research Conference]. Tyumen, City Press, 2007, pp. 101–102. (In Russian)
64. Trepavlov V.V. *Tyurkskie narody srednevekovoy Evrazii. Izbrannye trudy* [The Turkic Peoples of Medieval Eurasia. Selected Works]. Kazan, Foliant Publ., 2011. 252 p. (In Russian)
65. Usmanov A.N. *Dobrovol'noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu* [Voluntary Joining of Bashkiria to the Russian State]. Ufa, Bashkir book publishing house, 1982. 335 p. (In Russian)
66. Fisher I. E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian History from the Proper Discovery of Siberia to the Conquest of This Land with Russian Weapons]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1774. 631 p. (In Russian)
67. Fomenko I.K. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII–XVII vv.* [The Image of World in Ancient Portolani. The Black Sea Region. The end of the 13th – 17th centuries]. Moscow, Indric Publ., 2007. 408 p. (In Russian)
68. Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf -name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy)* [The Book of Shah's Glory]. Moscow, Nauka Publ., 1983. Vol. 1. 155 p. (In Russian)
69. Khudyakov M. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the History of the Kazan Khanate]. *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy* [At the Crossroads of Continents and Civilizations]. Moscow, Insan Publ., 1996, pp. 531–758. (In Russian)
70. Shakurova F.A. *Bashkirskaya volost' i obshchina v seredine XVIII – pervoy polovine XIX veka* [The Bashkir Volost and Community in the middle of the 18th – first half of the 19th centuries]. Ufa, BNTs UrO RAN, 1992. 136 p. (In Russian)
71. Shashkov A.T. Nachalo prisoedineniya Sibiri [The Beginning of Siberian Joining to Russia]. *Problemy istorii Rossii. Evraziyskoe pogranch'e* [Problems in the History of Russia. Eurasian Borderland]. Ekaterinburg, Volot, 2001, is. 4, pp. 8–51. (In Russian)
72. Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [The Turks and Russians in Southern Siberia: Ethno-Political Processes and Cultural Dynamics in the 17th – beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2005. 312 p. (In Russian)
73. Shumilov E.N. O mestonakhozhdenii Takhchei [About the Whereabouts of Takhchei]. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2008, no. 9, pp. 141–143. (In Russian)
74. *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Safakulevskogo rayona (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka)* [Ethnic and Cultural History of the Population of Safakulevsky District (from earliest times to the beginning of the 20th century)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2012. 102 p. (In Russian)

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Historical Faculty, Kurgan State University, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** J-9551-2017 (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, South-Ural State University (76, Lenin Ave., Chelyabinsk 454081, Russian Federation). E-mail: gayas_@mail.ru

Received February 27, 2017

Accepted for publication May 30, 2017

Published June 30, 2017